

УДК 141.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-60-70

ТЕНДЕНЦИИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: К ОБОСНОВАНИЮ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Зарубина Н. Н.*Московский институт международных отношений МИД России (МГИМО)
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные формы и тенденции дегуманизации в цифровом обществе и критику способов концептуализации новейших, связанных с цифровизацией, форм гуманизма.

Процедура и методы. С использованием методов социально-философского анализа, аналитических возможностей теории отчуждения К. Маркса и Э. Фромма, теории формальной рационализации М. Вебера показаны новейшие проявления дегуманизации как отчуждения, опредмечивания, овеществления и противостояния человеку его собственных коммуникаций, интеллекта, социальных действий.

Результаты. Выявлены тренды дегуманизации в областях коммуникаций и интеллектуальной деятельности, управления, бизнеса, этики, творчества в цифровом обществе. Обосновано, что идейные и общественные движения трансгуманизма и постгуманизма по своей сути представляют собой разные формы структурной дегуманизации, основанной на замене антропоцентризма техно- или космоцентризмом, сопряжённой с отказом в значимости социальным, культурным, духовным, экзистенциальным факторам становления человека как родового существа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты механизмы дегуманизации как противопоставления человеку его собственных социальных и коммуникативных способностей в критике с этих позиций парадигм трансгуманизма и постгуманизма, в обосновании необходимости гуманистического поворота в социальных науках, сопряжённого с актуализацией на новом уровне развития общества его культурных и духовных измерений.

Ключевые слова: гуманизм, дегуманизация, цифровизация, технологическое развитие, трансгуманизм, постгуманизм, гуманистический поворот

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 г.), заявка НШ-2615.2020.6.

DEHUMANIZATION TRENDS IN THE DIGITAL SOCIETY: TO THE JUSTIFICATION OF A HUMANISTIC APPROACH TO THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

N. Zarubina*Moscow State Institute of International Relations
prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main forms and trends of dehumanization in a digital society and criticize the ways of conceptualizing the newest forms of humanism associated with digitalization.

Methodology. Using the methods of socio-philosophical analysis, the analytical capabilities of the theory of alienation by K. Marx and E. Fromm, the theory of formal rationalization by M. Weber, the newest

manifestations of dehumanization as alienation, objectification, reification and opposition to a person of his own communications, intellect, social actions are shown.

Results. The trends of dehumanization in the areas of communication and intellectual activity, management, business, ethics, creativity in a digital society are revealed. It is substantiated that the ideological and social movements of transhumanism and posthumanism in their essence represent different forms of structural dehumanization based on replacing anthropocentrism with techno = or cosmocentrism, coupled with a denial of significance to social, cultural, spiritual, existential factors of the formation of a person as a generic being.

Research implications. Disclosing the mechanisms of dehumanization as opposing a person to his own social and communicative abilities, in criticizing the paradigms of transhumanism and posthumanism from these positions, in substantiating the need for a humanistic turn in the social sciences, associated with the actualization of its cultural and spiritual dimensions at a new level of development of society.

Keywords: humanism, dehumanization, digitalization, technological development, transhumanism, posthumanism, humanistic turn

Acknowledgments. The reported study was funded by the support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (2020 competition), application NSh-2615.2020.6.

Введение

Предпосылки гуманистического антропоцентризма Западной цивилизации – сократическое противопоставление познающего субъекта познаваемому космосу как объекту, возрожденческий гуманизм, рационализм, кантианское этическое возвышение человека как абсолютной цели, просвещенческие ценности толерантности и достоинства личности на рубеже тысячелетий – стали, казалось, универсальным основанием развития человечества. Развитие техники и технологий изначально было многими воспринято как одно из значимых проявлений овладения природой, развития рациональных и творческих способностей человека, являющегося мыслящим и действующим центром мироздания. Некоторые современные исследователи модернизации общества связали рост технических, технологических и экономических возможностей с развитием гуманистических оснований культуры, сменяющей «ценности выживания» на «ценности самовыражения», актуализации способностей человека, совершенствования демократических и толерантных оснований его бытия [7].

Однако по мере увеличения скорости технического прогресса стали усиливать-

ся и возникшие сомнения по поводу его последствий для человека. Всё больше стало распространяться убеждение, что прогресс техники подчиняет человека машине и заставляет в той или иной мере уподобляться ей, теряя собственно человеческие свойства (Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев, Л. Мамфорд и др.). З. Фрейд в работе «Недовольство культурой» назвал человека, использующего технику, «богом на подпорках», который, при расширении его практических возможностей, не стал счастливее.

Развитие цифровых технологий не только усилило прежние сомнения в гуманистической сущности прогресса техники, но и по-новому поставило вопрос о месте и роли человека в космосе и социуме. Беспрецедентно расширяя способности и возможности человека, машины (в широком смысле, включая цифровые алгоритмы) стали постепенно вытеснять его из многих традиционных сфер деятельности, включая не только тяжёлый и монотонный физический и сервисный труд, но и интеллектуальную работу с данными, производство и обработку информации, даже принятие решений и управление. Существовавшее ранее в общественной мысли направление критики техническо-

го прогресса и раскрытия его амбивалентных, непреднамеренных последствий обрело новые смыслы, наиболее радикально выраженные в интеллектуальном тренде «неолуддизма» [5, с. 105–106].

В то же время учёные разных специальностей, социальные мыслители и идеологи заговорили о *новых формах гуманизма*, предполагающих *единство человека с природным и техническим мирами*, ставящих космоцентризм на место антропоцентризма, соединённых с ожиданиями решения с помощью новейших технологий *экзистенциальных проблем человечества*, в первую очередь – проблемы бессмертия. Наше исследование посвящено рассмотрению трансформаций представлений о гуманистическом содержании цифровизации как новейшего технического тренда, охватывающего все сферы жизни общества.

Непреднамеренные последствия технологического развития: дегуманизация в условиях интенсивной цифровизации

Критики технического прогресса и технического детерминизма обращали внимание на то, что постепенная передача техническим устройствам производственных, военных, повседневных функций, которые они выполняют гораздо эффективнее «невооружённого» человека, сопряжена с тем, что они начинают диктовать новые принципы поведения, взаимодействия, мировосприятия. Человек сам уподобляется машине, утрачивая при этом социальные, культурные, творческие потенциалы, подвергаясь всё большему *отчуждению* от основ собственного бытия [6].

С точки зрения К. Маркса, который в полной мере унаследовал гуманистические традиции западной культуры и видел в человеке как «родовой» сущности носителя творческого, познавательного и преобразующего потенциала, одним из основных факторов дегуманизации в капиталистическом обществе стало *господство овеществлённого труда над живым*. Для К. Маркса оно было обусловлено не самими по себе

свойствами техники как продукта человеческого творчества, а её использованием с целью увеличения прибыли собственников капитала. В процессе производства орудия труда, в том числе и технически сложные, становятся не средством господства человека над природой, развития его собственного творческого потенциала, а отчуждённым от работника *внешним условием его деятельности*, как раз этого творческого потенциала лишаящим, навязывающим условия и способы труда, которые он сам уже не волен выбирать [12, с. 228]. Капитал и деньги как «отчуждённая мощь человечества» растут по мере подчинения живого труда, человеческого творчества и самовыражения уже овеществлённым их результатом. Позже Л. Мамфорд отметил, что механизация, а затем и автоматизация производства способствовали минимизации любой деятельности, которая «в процессе производства не может быть превращена в прибыль» [11].

Пафос марковского гуманизма состоит в том, что человек с его родовыми творческими способностями познавать и преобразовывать мир должен быть освобождён от социальных и экономических предпосылок эксплуатации и подавления, стать центром создаваемого им же самим рационально устроенного, гуманного мира. Этот пафос разделяет и в рамках гуманистического психоанализа Э. Фромм, считавший, что человек сам является источником собственных творческих сил и развития, в любви, прежде всего, к себе самому черпает силы и решимость действовать в окружающем мире, особенно в социальном. А роботизация и автоматизация становятся факторами отчуждения, из-за которого человек не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им [18, с. 372–373].

Развитие техники востребовало развитие у человека новых социальных, культурных, психологических свойств, соответствующих её специфике. Как замечает

К. Шваб, технологический уклад меняет «не только то, “что” и “как” мы делаем, но и то, кем мы являемся» [19, с. 9]. Прогресс техники сопровождается передачей машинам многих умений и функций человека, что обедняет, примитивизирует его повседневные практики, знания о мире и способность в нём ориентироваться. Ещё М. Вебер отмечал, что современный человек знает о технических основаниях своих привычных повседневных практик гораздо меньше, чем дикарь, у которого несравнимо меньше возможностей, но который отлично понимает инструментальные механизмы доступных ему способов взаимодействия с внешним миром [2, с. 713, 729].

Цифровизация как новейшая социотехнологическая парадигма, сопряжённая с опосредованием социальных взаимодействий цифровыми устройствами, порождает новые вызовы дегуманизации и отчуждения. Представляется, что на этом этапе технологического развития *информация и коммуникации, опредмеченные и овеществлённые в символических системах цифровых кодов и сложном оборудовании, приобретают возможность господствовать над живым интеллектом и реальными коммуникациями, социальными связями*. Цифровые алгоритмы, создавая инфраструктуру и новые возможности для осуществления разнообразных практик, *латентно задают правила их осуществления*, которыми невозможно пренебречь. Кажущийся сферой свободы и даже хаоса интернет, тем не менее, представляет пользователям *логические и аппаратные структуры*, задающие и определяющие формы его цифровой социальности. Пользуясь терминологией М. Вебера, это новая стадия развития формальной рационализации, сопровождавшей становление промышленного капитализма и подчинившей все сферы жизни человека «неодолимому принуждению» господствующих над ним формальных правил. Однако современный человек уже имеет дело не с правилами и законами, созданными людьми и для людей, подчинение которым он выбирает всё-таки сознательно, а с действительно

непреложными, действующими принудительно внешними правилами, лежащими в основе всех дигитально опосредованных взаимодействий.

Социальные сети, цифровые платформы для ведения бизнеса, образовательных, творческих практик являются инфраструктурой, отчуждающей человека от предпосылок, процесса, результата деятельности. Так, дистанционное образование, осуществляемое на специальных платформах, задаёт формат, лишаящий участников возможности свободной коммуникации. Сервисы для бизнеса – бухгалтерия, маркетинг и т. п., предоставляемые специальными ресурсами, – оптимизируют расходы и усилия предпринимателей, однако лишают их возможности контроля над значимыми составляющими их дела.

Действия и взаимодействия в цифровой среде всегда оставляют «следы», как преднамеренные (в виде «лайков», записей в блогах и мессенджерах), так и спонтанные (в виде информации о покупках и финансовых транзакциях, поисковых запросов и т. п.). Повседневную жизнь человека сопровождают многочисленные цифровые устройства – смартфоны, камеры видеонаблюдения и видеорегистраторы, навигаторы, платёжные терминалы и т. п., которые также фиксируют следы действий и позволяют получить данные о разнообразных аспектах жизни людей и функционировании социальных институтов. Весь этот массив «Больших данных» становится объектом капитализации в бизнесе цифровых платформ [16, с. 47], т. е. *коммуникации и действия опредмечиваются и обретают самостоятельное бытие, противопоставляемое бытию самих акторов*. Активность в цифровой среде, неизбежная и безальтернативная для современного человека, приводит к колоссальному неконтролируемому росту ресурса данных, противостоящих ему, делающих его объектом и контроля, и капитализации в самых неожиданных сферах жизнедеятельности.

Ещё одним проявлением господства опредмеченных коммуникаций и информации над живыми человеческими

взаимодействиями и живым интеллектом выступает *делегирование цифровым устройствам функций обработки данных, производства информации, принятия решений и управления.*

Прежде всего, *машинам делегируется работа с данными и информацией.* Бесспорно, возможности кибернетических устройств в этой области несоизмеримо превосходят человеческие, сбор и обработка данных ускоряется вплоть до их получения в режиме реального времени. Устраняясь от участия в этих процессах, человек не просто использует более эффективные способы деятельности, а, по сути, признаёт свою неспособность сравниться в скорости вычислений с машинами. Фактически это так, но на онтологическом уровне означает целенаправленное «оглушение» человеком самого себя, по выражению М. Маклюэна, самоампутацию реально присущих человеку способностей, деградацию «среднего» человека. Как замечает Ж. Бодрийяр, «доверить свой интеллект машине – значит освободиться от всякой претензии на знание» [1, с. 76]. Известные учёным «эффект Google», «цифровое слабоумие» и прочие последствия передачи цифровым устройствам интеллектуальных функций человека свидетельствуют, что стремительно развивается *отчуждение живого интеллекта в пользу технически опосредованного.* При этом возникают риски инвалидизации человека, если он вдруг лишится расширяющих его возможности цифровых устройств [5, с. 66].

Устранившись от обработки данных и производства информации, человек создаёт условия для самоустранения и от процессов *принятия решений,* которые также передаются цифровым устройствам и становятся внешними по отношению к людям. Технологии искусственного интеллекта используются для принятия управленческих решений на различных уровнях, не только в осуществлении собственно технологических и технических процессов, например, на производстве, в системах «интернета вещей». Киберменеджмент используется и при управлении человеческими действи-

ями как в производственной, трудовой, так и в повседневной жизни, порождая уязвимости и риски социального, этического, юридического характера [13]. Так, есть мнение, что использование цифровых оценок кредитных рисков стало одним из факторов возникновения глобального финансового кризиса [4, с. 64], а «умный город» оказался, по факту, тоталитарной средой, в которой человек чувствует себя некомфортно. В «умном» южнокорейском г. Сангдо цифровой управляющий центр постоянно собирает данные не только о состоянии городской среды, но и о повседневных действиях жителей. На их основе он решает, когда чистить улицы и стричь газоны, как направлять транспортные потоки, а также кому из жителей пора закупить продукты и лекарства, какие именно, когда делать уборку и как отрегулировать температуру в жилье, что требуется их домашним питомцам¹. Даже описание такой «правильной», комфортной, но абсолютно дегуманизированной, лишённой человеческой спонтанности, воли, иррациональности жизни вызывает ужас. Аналогии с «цифровым концлагерем» здесь не кажутся избыточными.

Принимаемые искусственным интеллектом управленческие решения предполагают обработку данных на основе заложенных в них принципов анализа. Так, решения в сфере бизнеса обосновываются и принимаются на базисе его фундаментальной ориентации на извлечение прибыли, соответственно, на тренды потребительства, гедонизма, формирующие поддерживаемые общественные запросы. Даже выставляемые корпорациями «квазиэтические» границы – например, толерантности, гендерного равенства, экологических действий, лишь «приводят к новым ошибкам и искажениям» [14, с. 12]. Примером является распространение

¹ Garfield L. Songdo - Smart City. International Business District // Incider : [сайт]. URL: <http://www.businessinsider.com/songdo-south-korea-design-2017-11/#fifteen-miles-of-bike-lanes-go-through-the-district-connecting-to-a-larger-90-mile-network-in-songdo-city-4> (дата обращения: 11.06.2021).

«экономики совместного потребления», которое было бы невозможно без цифровизации и массового использования достаточно сложных гаджетов и соответствующих приложений. Стоит помнить, что в её основе лежит не отказ от гедонизма и потребления как таковых, а *замена собственности временным использованием* с разделением затрат и издержек. Социально и культурно значимым последствием является снятие ответственности за используемые блага, превращение человека из хозяина во временного пользователя.

Самое главное, однако, состоит в том, что, перекладывая на цифровые устройства принятие управленческих решений, человек *устраняется от ответственности за них*. И речь идёт не о юридической ответственности, субъектом которой не может быть машина, но о морально-этической. В человеческой культуре, в разных её типах принятие решений всегда было связано с волевым актом и с той или иной формой нравственной ответственности за их последствия, и способность эту ответственность осознавать и принимать всегда являлась атрибутом высокого уровня личностного развития. Отчуждение от человека воли и нравственной ответственности при перекладывании принятия решений на кибернетические устройства и искусственный интеллект является снижением уровня не только личности, но и всей цивилизации, делегирующей свою судьбу цифровым алгоритмам.

Аналитические и практические возможности цифровых устройств начинают пользоваться большим доверием, нежели человеческие способности. *Новейший вызов состоит в постепенной передаче цифровым машинам не только технологических и интеллектуальных, но и творческих функций*. Компьютер обыгрывает человека в игры, требующие не только сложных расчётов, но и спонтанности и интуиции, например в го, сочиняет музыку, объясняется в любви... Развитие технологий искусственного интеллекта приводит к приобретению цифровыми машинами ранее не присущей им субъектности.

Взаимодействие человека с искусственным интеллектом порождает «новую социальность», сопряжённую, по мнению учёных, с отчуждением и инструментализацией привычной, «старой» социальности в процессах взаимодействия человека с машиной и между людьми при посредстве машин. В то же время, очевидно, что искусственному интеллекту, при всех его возможностях, недоступна человеческая экзистенциальность – рождение и смерть, радость и скорбь, боль и т. п. [14, с. 11]. Исследовать эту «новую социальность» ещё только предстоит, хотя учёные уже сделали немало в данном направлении [9].

Новые формы гуманизма в условиях цифровизации и технического прогресса: тренды структурной дегуманизации

Неопределённость развития общества, социальности и самого человека как вида в условиях опережающего совершенствования технологий отражают новейшие концепции «трансгуманизма» и «постгуманизма». Каждое из этих направлений общественной мысли представляет собой широкий спектр идей и практик, сопряжённых с использованием новейших технологий не только для совершенствования и расширения способностей и возможностей человека, но и *для целенаправленных изменений его биологической природы, когнитивных и коммуникативных ресурсов*. При всём многообразии их объединяют более или менее выраженный *отход от классического гуманистического видения человека и общества* и выработка новых парадигм их будущего развития и отношения к миру.

Для этих концепций в целом характерна *ориентация на будущее*, однозначно связанная с интенсивным технологическим развитием, открывающим всё новые возможности для человека при условии совершенствования цифровых машин. Многие из них ориентированы на представление о «технологической сингулярности» как *гипотетическом* моменте, когда искусственный интеллект достигнет такого уровня, что обретёт спо-

способность самостоятельно создавать всё более сложные машины, а человеку останется лишь приспосабливаться к технологической среде. Наступление этого момента предполагают в 2030–2050-х гг. и связывают с ним как оптимистические ожидания обновления человека и обретения им бессмертия и счастья (трансгуманизм), так и алармистские ожидания уничтожения подлинного, некиборгизированного человека, его порабощения машинами и/или превращения в машину [5].

Общей для новейших форм гуманизма является *вера в способность техники – цифровых и биотехнологий – радикально трансформировать жизнь человека и общества*, причём эти изменения непременно видятся как *прогрессивные*. Трансгуманисты, идеология и общественные объединения которых существуют во многих странах мира¹, считают своей задачей способствовать совершенствованию биологических, психологических, интеллектуальных качеств вида *Homo sapiens* путём его киборгизации или даже перемещения человеческого сознания и интеллекта в цифровую среду. Прежде всего главной целью трансгуманисты считают обретение бессмертия при помощи цифровых и биотехнологий, и в стремлении к реализации этой вечной мечты человека видится привлекательность трансгуманизма как идеологии и общественного движения [17]. Антропоцентризм, характерный для гуманизма, здесь подменяется *техноцентризмом*, а социальные и культурные – духовные, этические детерминанты совершенствования человека и человеческой природы практически не рассматриваются. Изложения основных идей и программные документы объединений трансгуманистов, в том числе российских², свидетельствуют об

их ориентациях на свободу и плюрализм во всём: расовое, гендерное, сексуальное и т. п. разнообразие, свобода выбора этических стандартов, гражданских идентичностей, образа жизни [20]. Единственной безусловной ценностью остаётся прогресс науки и технологий, обуславливающий совершенствование человека как биологического вида.

Следует отметить, что сама по себе идея совершенствования человека и обретения им бессмертия не нова, она сопровождает цивилизацию с самого её зарождения, и трансгуманисты усматривают корни своих идей во всей истории религиозной и философской мысли [21]. Однако дело в том, что изначально идеи совершенствования человека и обретения бессмертия были связаны с духовным и нравственным совершенствованием, по сути, принятием человеком ответственности за собственное будущее. С древних времён существовали и практики «улучшения» человеческой природы путём трансформаций и «дополнений» тела – татуировки и шрамирование, видоизменения отдельных частей тела и т. п., но они носили ритуальный и символический характер, были ориентированы на сближение человека с высшими силами, маркировали его достижения на пути к совершенству и социокультурную идентичность. Утрата веры привела культуру, прежде всего, западную, к тому, что на место идеи и практик спасения бессмертной души пришли рациональные и технологически продвинутые практики культивирования вечно молодого и бессмертного тела (М. Фуко), готового к самовыражению, наслаждениям, потреблению.

В мировой философии наиболее очевидными идейными предшественниками трансгуманизма являются Ф. Ницше с его идеями становления «сверхчеловека» и нигилизмом в отношении культуры, а также «русский космизм», в особенности философия «общего дела» Н. Фёдорова как императив не только обретения бессмертия живущими, но и воскрешения предков как нравственного долга. Однако все эти теории так или иначе требовали нравственных и духовных изменений личности, а трансгуманизм лишил идею бессмертия её религиозного, духовного

¹ Автор термина «трансгуманизм» считается английский биолог Дж. Хаксли. В 1998 г. Н. Бостром и ряд учёных и общественных деятелей обосновали идеологию и создали Всемирную Ассоциацию трансгуманистов, с 2008 г. она носит название «Humanity+». В России приверженцев трансгуманизма объединяют Российское трансгуманистическое движение, движение «Россия 2045»

² Манифест российского трансгуманистического движения [Электронный ресурс]. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (дата обращения: 03.06.2021).

и этического начала, связав исключительно с прогрессом техники.

Критики трансгуманизма, к числу которых относятся, например, Ф. Фукуяма, многие известные мыслители и общественные деятели, видят в его идеологии *неверие в человека как биологической, социальное, культурное родовое существо*. Императив искусственного совершенствования человеческой природы рассматривается как проявление деструктивности в её отношении, радикальный антигуманизм и ориентация на создание нового вида, который уже не может считаться человеком [15, с. 126]. При этом остаётся неясным, как будет относиться трансчеловек к неизменённому человеку, не вызовут ли практики трансгуманизма новых форм неравенства и конфликтов. Эти проблемы получили пока более основательную проработку в творчестве фантастов, чем самих приверженцев движения¹. Идеи радикальных противников технического прогресса, «неолуддитов», несмотря на весь их пафос защиты человека от порабощения машинами, также критикуются за антигуманизм и неверие в способность человека решить проблемы, связанные с экспансией техники [5].

Полемика с трансгуманистами вызывает к жизни давние философские проблемы сущности человека как рода и пределов качественных изменений его природы [17, с. 12-13]. Представляется, что здесь необходимо обратить внимание на пока мало используемые *социологические подходы*, рассматривающие человеческую природу, прежде всего, как *социальную и культурную*, формируемую в контекстах социальных взаимодействий и адекватную возможностям человеческого восприятия. Таким образом, *техноцентризму в подходе к будущему человека противопоставляются гуманистические антропо- и социоцентризм* [10].

¹ В романе братьев А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер» описывается раскол человечества на людей и искусственно усовершенствованных «метагомов», «люденов», настолько превосходящих людей в своих способностях, что для них взаимодействия с обычными людьми становятся неинтересными и ненужными, и постепенно прекращаются.

Постгуманизм представляет собой более широкое научное и интеллектуальное движение, рассматривающее развитие человека и социума в контекстах технологических трансформаций с позиций по-новому переосмысленного *космоцентризма* [8; 22; 23]. Как «обычный», так и технологически дополненный человек рассматриваются в контекстах настоящих связей с нечеловеческим окружением, которое наделяется значимостью и субъектностью, будь то природа, техносфера, эпистемические объекты, что уже не может мыслиться в качестве центра мироздания, творческого и познавательного начала. Именно в контекстах постгуманистического или эпистемологически близкого к нему теоретизирования встает вопрос о качественной специфике «новой социальности», упоминавшейся выше. Однако от космоцентризма традиционных культур, не знающих сократического разделения на познающего и творящего субъекта и пассивный объект, постгуманистическую перспективу отличают пансоциальность, распространение социальных – нормативных, структурных, деонтологических и аксиологических понятий на весь космос [7].

Постгуманистическая перспектива не отказывается от классического гуманизма, но раздвигает его горизонты настолько широко, что, как представляется, он утрачивает свой смысл. Человек лишается не просто центральной позиции в социальном и природном космосе, он утрачивает прежнюю идентичность. Аналогичным образом утрачивают смысл и институты современного общества, например, академическая наука, собственность, государство и власть, семья. И практически этому немало способствуют описанные выше тренды дегуманизации, порождённые цифровизацией. В то же время, в отличие от идей трансгуманизма, технологическое дополнение и расширение способностей и возможностей человека здесь не является тоталитарным, по сути, императивом, и собственная, не дополненная природа не рассматривается как неполноценная. Просто многообразные возможности её усовершенствования

делают статус «дополненного» человека ещё более неопределённым, растворённым в социо-техно-природной среде.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что обновлённые ипостаси гуманизма в условиях современного технологического уклада представляют собой ту или иную форму *структурной дегуманизации*, связанной либо с техническим и цифровыми дополнениями и расширениями человека, снимающими его специфику как вида, либо с такими изменениями понимания места человека в космосе, его соотношения с не-человеческими объектами, которые лишают смысла вопрос о его роли, предназначении, ответственности, благе и т. п. Крайности совершенствования человека до утраты им своей природы и растворения в природном и рукотворном космосе сходятся в фокусе дегуманизации и прямого или латентного отрицания основ классического гуманизма. В связи с этим возникает проблема переосмысления гуманистического видения в новых условиях ускоренного технологического развития и цифровизации. Представляется, что свя-

зано это может быть, в первую очередь, с развитием социальных и культурных – моральных, духовных аспектов жизни человека, совершенствованием не только физических, психологических, интеллектуальных возможностей, но и глубины экзистенциальных переживаний и смыслов. Важнейшими представляются культуры долга и ответственности, формировавшие на протяжении истории цивилизации и продолжающие формировать основы социальности. Для анализа новых вызовов дегуманизации в условиях цифрового развития можно использовать методологию «гуманистического поворота» в социологии [3, с. 56–58], предполагающего выявление новейших противоречий гуманизма, обусловленных усложнением социальных реалий, становлением новых типов взаимодействия общества и природы, новыми ролями науки и техники. Лишь учёт экзистенциальных, социальных и культурных сторон жизни человека может сохранить на новом уровне развития общества гуманистическую сущность современной цивилизации.

Статья поступила в редакцию 17.08.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Е. Марковской, Л. Любарской. СПб.; М.: Добросвет, 2012. 260 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
3. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / под ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.
4. Емелин В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70.
5. Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 103–115.
6. Зарубина Н. Н. Теоретические основания анализа непреднамеренных социокультурных последствий развития цифровых технологий: актуализация подхода Л. Мамфорда // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 85–97.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Катерный И. В. Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 13–34.
9. Кнорр Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / пер. В. И. Дудиной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 101–124.

10. Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск: Изд-во Смоленского государственного педагогического университета, 2006. 302 с.
11. Мамфорд Л. Механический ритм жизни // Скепсис: научно-просветительский журнал : [сайт]. URL: http://scepisis.net/library/id_938.html (дата обращения: 04.05.2020).
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология: сборник / пер. с нем. М.: Канон-пресс Ц; Кучково поле, 2000. С. 177-324.
13. Неизвестный С. И. Социальные проблемы принятия решений искусственным интеллектом в цифровом обществе // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 90-108.
14. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 4-19.
15. Сазеева И. Б., Грошева Т. Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Ч. 1. С. 122-126.
16. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 128 с.
17. Тхостов А. Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / под ред. Г. Л. Белкиной, М. И. Фроловой. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 186-198.
18. Фромм Э. Здоровое общество // Хорни К., Фромм Э. Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма / пер. Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной. М.: Юрист, 1995. С. 372-373.
19. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ.; под ред. А. Меркуревой. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
20. Bostrom N. Transhumanist Values // Review of Contemporary Philosophy. 2005. Vol. 4. P. 3-14.
21. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. P. 56-106.
22. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity, 2013. 180 p.
23. Wolfe C. What is Posthumanism? Minneapolis, MN: University of Minnesota, 2010. 400 p.

REFERENCES

1. Baudrillard J. La Transparence du Mal: Essai sur Phenomenes Extremes (Rus. ed.: Markovskaya E., Lyubarskaya L., trans. *Prozrachnost' zla*. St. Petersburg, Moscow, Dobrosvet Publ., 2012. 260 p.).
2. Weber M. Wissenschaft als Beruf (Rus. ed.: Davydov Yu. N., transl. *Nauka kak prizvanie i professiya*. In: Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 707-735.).
3. Kravchenko S. A., ed. *Gumanistichesky povorot: imperativ chelovecheskoj civilizacii* [Humanistic Turn: The Imperative of Human Civilization]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations Publ., 2018. 209 p.
4. Emelin V. A. [Cyborgization and Disability of a Technologically Advanced Person]. In: *Nacionalny psihologicheskyy zhurnal* [National Psychological Bulletin], 2013, no. 1 (9), pp. 62-70.
5. Emelin V. A. [From Neo-luddism to Transhumanism: Singularity and Vertical Progress or Loss of Identity?]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 103-115.
6. Zarubina N. N. [The Theoretical Bases for the Analysis of Unintended Sociocultural Consequences of the Development of Digital Technologies: Updating L. Mumford's Approach]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 85-97.
7. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence (Rus. ed.: Korobochkin M., transl. *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2011. 464 p.).
8. Katerny I. V. [Conceptualization of Social Ontology of Posthumanism: Sociological Implications]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 6, pp. 13-34.
9. Knorr Cetina K. Sociality with Objects: Social Relations in Postsocial Knowledge Societies (Rus. ed.: Dudina V. I., transl. *Ob'ektnaya social'nost': obshchestvennyye otnosheniya v postsocial'nykh obshchestvakh znaniya*. In: *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. V, no. 1, pp. 101-124.).
10. Kutyrev V. A. *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhiznennyye miry postchelovechestva)* [Philosophical Image of Our Time (Lifeless Worlds of Posthumanity)]. Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2006. 302 p.

11. Mamford L. [Mechanical Rhythm of Time]. In: *Skepsis: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal* [Skepsis: Scientific and Educational Bulletin]. Available at: http://scepssis.net/library/id_938.html (accessed: 04.05.2020).
12. Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre (Rus. ed.: *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda*). In: Marx K. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow, Kanon-press C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2000, pp. 177–324.
13. Neizvestny S. I. [Social Problems of Decision Making by Artificial Intelligence in a Digital Society]. In: *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Bulletin], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 90–108.
14. Rezaev A. V., Tregubova N. D. [Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena, Problems and Tasks for Social Sciences]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2021, no. 1, pp. 4–19.
15. Sazeeva I. B., Grosheva T. N. [Antihumanistic Nature of the Philosophy of Transhumanism]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2017, no. 3 (77), pt. 1, pp. 122–126.
16. Srnicek N. Platform Capitalism (Rus. ed.: Dobryakova M., transl. *Kapitalizm platform*). Moscow, HSE Publ., 2019. 128 p.
17. Thostov A. Sh. [Shine and Poverty of Transhumanism]. In: Belkina G. L., Frolova M. I., eds. *Mesto i rol' gumanizma v budushchej civilizacii* [Place and Role of Humanism in the Future Civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2014, pp. 186–198.
18. Fromm E. The Sane Society (Rus. ed.: Banketova T. V., Karpushina S. V., transl. *Zdorovoe obshchestvo*). In: Horney K., Fromm E. *Psihoanaliz i kul'tura. Izbrannye trudy Karen Horni i Eriha Fromma* [Psychoanalysis and Culture. Selected Works of Karen Horney and Erich Fromm]. Moscow, Yurist Publ., 1995, pp. 372–373.
19. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution (Rus. ed.: Merkulova A., ed. *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya*). Moscow, Eksmo Publ., 2016. 208 p.
20. Bostrom N. Transhumanist Values. In: *Review of Contemporary Philosophy*, 2005, vol. 4, pp. 3–14.
21. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. In: *Journal of Evolution and Technology*, 2005, vol. 14, pp. 56–106.
22. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge, Polity, 2013. 180 p.
23. Wolfe C. What is Posthumanism? Minneapolis, MN, University of Minnesota, 2010. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО);
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Zarubina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зарубина Н. Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-60-70

FOR CITATION

Zarubina N. N. Dehumanization Trends in the Digital Society: To the Justification of a Humanistic Approach to the Technological Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-60-70